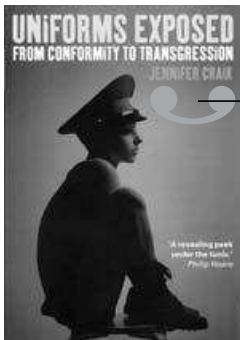

Разоблачение униформы

**Craig J. Uniforms Exposed: From
Conformity to Transgression.**

Oxford; N.Y.: Berg, 2005. 268 p.: ill.¹

В книге австралийской исследовательницы Дженнифер Крейк «Разоблачение униформы: От конформизма к трансгрессии» рассматривается роль одежды в процессах моделирования современной идентичности. Автор переосмысливает понятие «униформа», расширяет его значение: от специализированной одежды, обозначающей профессиональную принадлежность ее носителя и во многом связанной с особенностями профессии, до символического инструмента объединения людей в группы. Выделяются три класса форм: официальная, неофициальная и квази-униформа. Под официальной формой исследовательница подразумевает привычное значение слова «униформа»: предписанность каждой детали одежды и способов ее ношения для определенных групп людей (сюда относятся военная форма, школьная форма, церковное облачение, спецодежда рабочих, пожарных, врачей и т.д.). Неофициальная форма и квази-униформа представляют собой определенную манеру одеваться, не регулирующую специальными предписаниями, но отражающую представления людей о своем статусе, которые в рамках одной социальной группы, как правило,

схожи – отсюда однотипность этих «униформ». Многообразие общественных отношений позволяет автору включать любой способ одеваться в эту классификацию, парадоксальным образом одежды вне униформ не существует. Попытка отказа от кодов, принятых в определенных кругах, лишь приводит к созданию новых видов формы. Субкультуры и контркультуры, оппозиционные к официальной культуре и не признающие законов социума, вырабатывают собственные квази-униформы. При этом, по мнению Крейк, чем более радикальную позицию занимает определенная субкультура, тем более жесткие предписания определяют, какую именно одежду могут носить ее представители.

Исследование носит междисциплинарный характер: экскурсы в историю костюма сочетаются с использованием методов социологии, исторической антропологии, дискурсного анализа, огромное значение для автора имеет гендерная проблематика. Нельзя не отметить влияние, которое оказала на методологию Дж. Крейк социальная антропология Марселя Мосса и Норберта Элиаса: австралийская исследовательница полностью разделяет их взгляд на человека как на изменчивое и моделируемое существо. Униформа при этом выступает как один из инструментов «лепки» тела, причем определяющую роль играют не столько сами детали одежды, сколько предписанные практики их ношения. Техники тела, связанные с ношением униформы, задаются в основном при помощи запретов (разъяснений, как нельзя носить форму) и призваны способствовать воспитанию дисциплинированного индивида. Этот образ незримой дисциплинирующей силы перекликается с идеями постструктуралистов, в частности с теорией Мишеля Фуко о контроле над невидимой, социально-психической составляющей человека через контроль над его телом («душа – тюрьма тела»²). Крейк заимствует у Фуко понятие «послушные тела», делая акцент в первую очередь не на пассивности тела по отношению к внешним силам, а на его открытости для обучения и произвольного моделирования. Принуждение, насилие, связанное с дисциплинирующей функцией униформы, позволяет заключить: не тело носит форму, но форма носит тело. Первоисточник идеи униформы, ее социальное и культурное основание автор видит в контроле над телами и душами, осуществляемом государством при помощи военного и церковного аппарата. Поэтому именно военная форма и церковное облачение являются наиболее устойчивыми и влиятельными униформами. Их элементы используются при создании новых видов униформ по мере возникновения новых видов деятельности, а также стимулируют творческую фантазию модельеров при создании образцов от-кутюр и повседневной одежды.

Одежда служителей церкви и военная форма неизменно обыгрываются в карнавальных шествиях с раннего Нового времени до наших дней, где власть и авторитет трактуются в пародийном ключе.

Исторически в систему властных отношений, отношений наказания и подчинения были включены только мужчины. Они служили в армии, ведали делами культа, на них было направлено дисциплинирующее воздействие социальных институтов. Роли, связанные с ношением униформы, – это мужские роли. Униформа имплицитно предполагает наличие гендерного субъекта, обладающего нормативными маскулинными характеристиками. По мере роста социальной активности женщин в XX веке возникает необходимость создания предназначенных для женщин эквивалентов мужских униформ, но такие попытки никогда не увенчивались успехом. Атрибуты власти, силы, авторитета в массовом сознании были несоединимы с женскими образами. Несовместимость традиционного концепта женственности с ролями «униформированного» тела приводит к тому, что к женщинам в униформе предъявляются невыполнимые требования: они должны выполнять все функции, соответствующие должности, и одновременно сохранять «женственность» облика и поведения. Легко понять, насколько неприменим этот набор требований, например, к военной службе. Женщина в форме не должна быть ни слишком женственной, ни мужеподобной. В первом случае никто не сможет серьезно воспринимать ее роль, а окружающие мужчины будут ввергнуты в соблазн; во втором случае опасность для общества заключается в возможности размывания границ между полами, когда женщина уподобляется мужчине. Это противоречие сильнее всего ощущается, если речь идет о военной форме и производных от нее: униформах полицейских, охранников, сотрудников зоопарков и т.д.; огромные затруднения в выборе одежды испытывают женщины, облеченные духовным саном. Вопрос о том, как должна выглядеть женская униформа (особенно для женщин, занимающихся тяжелым физическим трудом, имеющих властные полномочия и/или право применять силу), до сих пор не имеет однозначного решения. Подобные проблемы вызваны размытостью гендерного субъекта, соответствующего неизменно двусмысленному образу женщины в форме. Женственность присутствует в униформе лишь трансгрессивно – как оборотная сторона дисциплины, авторитета, предписанности и предсказуемости. Возможность трансгрессии, выхода за рамки роли, нарушения правил ношения формы сделала самые различные виды униформ эротическим фетишем, активно используемым в порнографии. Крейк занимает феминистскую позицию, рассматривая униформу как инструмент подавления женской сексуальности

и одновременно атрибут трансгрессивных сексуальных практик. В то же время через историю униформ раскрывается история внедрения женщин в мужской мир.

Древнейшей «униформой» для женщин, по мнению автора, была одежда проституток, вернее, набор элементов костюма, по которым можно было безошибочно отличить честную женщину от бесчестной. В целом отраженные в законодательных актах предписания, как должны одеваться представители определенного сословия или профессии, выступают в книге Крейк как прообраз современных униформ. Но так как женщины не могли быть рыцарями, купцами или цеховыми ремесленниками, на протяжении столетий бытовали лишь две женские «протоуниформы»: одежда проституток и монахинь. В XIX веке сложился целый ряд женских униформ: медсестры, горничной, кухарки, официантки, а также школьная форма и униформа Армии Спасения. Но истинно революционные изменения повлекла за собой Первая мировая война, когда женщины начали принимать участие в деятельности, в которую ранее были вовлечены только мужчины, становясь водителями автобусов, фабричными рабочими, врачами скорой помощи и даже пожарными. Однако после войны большинство женщин вернулось к своим привычным ролям. Вторая мировая война произвела сходный эффект: по необходимости возникли униформы, которые исчезли вскоре после войны, когда в мирной обстановке вид женщины в форме снова стал казаться противоестественным. Только во второй половине XX века, когда женщины постепенно стали занимать все больше мест в традиционно мужских областях деятельности – в результате растущей конкуренции в традиционно женских профессиях (в том числе и за счет проникновения в эти области мужчин, например, появление стюардов наряду со стюардессами), начали создаваться многообразные униформы для женщин, однако субъект, к которому они апеллируют, остается неопределенным. Конформизм и жесткая иерархичность, отличающие мужское сообщество, свойственны женщинам в меньшей степени, поэтому сама идея дисциплинированного тела, квинтэссенцией которой является униформа, не может быть принята женщинами в неизменном виде. Таким образом, конфликт мужского и женского оборачивается конфликтом универсального и индивидуального. Так, например, квази-униформа женщин–университетских профессоров должна отражать одновременно их профессиональные качества и личный вкус (видоизмененное противоречие между властью и женственностью, отмечавшееся в женской военной форме). Автор использует в качестве примера уже публиковавшиеся прежде интервью с женщинами–профессорами, рассказывающими, по какому принципу они

подбирают свой гардероб. Женщины подчеркивают свое стремление к созданию индивидуального облика и неприятие классических деловых костюмов. Между тем определенные представления о собственном статусе лишают их полной свободы в выборе одежды для работы, что позволяет Крейк отнести экипировку университетских профессоров к разряду специфических неформальных или квази-униформ.

Н. Элиас показал процесс цивилизации как постепенную, нелинейную смену внешнего принуждения внутренним. Сходным образом выглядит и процесс униформирования в книге Дж. Крейк: первоначально определяющую роль играют государственные предписания, на следующем этапе – деятельность общественных групп, понуждающих своих членов выглядеть определенным образом, в настоящее время речь может идти преимущественно о потребности людей принадлежать к какой-либо общности, иметь определенный статус, гарантом которого и является униформа. Многочисленные социологические опросы показали, что люди в общем охотно носят форму (если только она не является непрактичной или не выглядит нелепо), чувствуют себя в ней комфортно и защищенно, многие полагают, что форма повышает чувство профессионального единства и работоспособность коллектива. Более того, человек в форме вызывает у окружающих доверие к его компетентности и готовность подчиняться, если форма символизирует властные полномочия. Автор заключает, что униформа настолько определяет современные способы видения, что полностью отождествляется с определенным статусом или профессией. При помощи одежды происходит узнавание, опознавание членов собственной социальной группы или других групп. Несмотря на растущую ценность индивидуализма в современном мире, оказывающую значительное влияние на восприятие униформ и их видоизменение, определяющим оказывается желание человека чувствовать принадлежность к коллективу и визуализировать свой статус. Огромную роль в функционировании социальных механизмов в том виде, который они имеют в настоящее время, играет возможность узнавания роли человека до начала общения с ним, а следовательно, прогнозирование его поведения. «Любовь к униформе» достигает апогея в современном японском обществе, где коллективизм является одной из традиционных ценностей, а сама форменная одежда, повторяющая западные образцы, символизирует модернизацию и вестернизацию Японии. Таким образом, униформа выступает как залог гармоничного сочетания национальных культурных традиций с ультрасовременными глобальными тенденциями. На иллюзорность этой гармонии и наличие высокой степени напряженности в обществе указывает

одержимость потребителей порнографической продукции школьной формой и, как следствие, массовое вовлечение школьниц в порноиндустрию и занятие проституцией.

Школьной форме уделено в книге особое внимание: по мнению автора, она напрямую восходит к военной форме и лучше всего отражает идею воспитания послушного тела. Как и многие другие типы униформ, школьная форма изначально предполагала объектом воздействия мальчика – будущего мужчину. Поэтому способ дисциплинирования, свойственный школьной форме, должен был содействовать усвоению таких ценностей, как сплоченность, лидерство, иерархия, статус, власть. Существовала очевидная преемственность между поведением, требуемым от школьников, воспитываемыми у них техниками тела и характеристиками маскулинного субъекта, действующего во взрослом мире. Девочки в школе были подчинены той же системе ценностей, что и мальчики, той же дисциплине, с тем лишь отличием, что физическим наказаниям в процессе воспитания предпочиталось психологическое внушение. Но прививаемая им ориентация на достижение целей и высокого статуса шла вразрез с требованиями, предъявляемыми обществом к окончившей школу девушке, ведь еще в середине XX века женская карьера рассматривалась исключительно в терминах удачного замужества. Таким образом, по окончании школы перед девочками вставала необходимость ломать годами создававшиеся поведенческие стереотипы, самостоятельно приобретая качества, свойственные идеальному женскому образу. Если для мальчиков школьная форма естественно сменялась другими униформами, от военной формы до делового костюма, то форму девочек и «нормальную» женскую одежду разделяла пропасть. Кроме того, андрогинность школьницы в униформе, размытость ее гендерной роли неизбежно, по мнению Крейк, провоцирует трансгрессивное использование школьной формы. Начиная с 1960-х годов школьная форма постепенно становится более удобной и практичной, некоторые школы привлекают к ее разработке дизайнеров (таким образом форма начинает идти в ногу с модой, для девочек появляются более женственные модели). Этот процесс автор вписывает в общую картину изменений в одежде XX века, произошедших во многом под влиянием... спорта.

Многие исследователи солидарны в оценке роли спорта в культуре Новейшего времени. Крейк рассматривает значительное влияние спорта на высокую моду и особую роль эстетики спортивной формы в складывании современного повседневного стиля одежды. Форма одежды первых «спортсменов» (одежда для верховой езды поместной аристократии XVII века) впоследствии стала образцом для повседневной муж-

кой одежды. Огромная популярность спортсменов в XX веке позволяла им революционным образом менять представления об одежде, индивидуальный выбор (нередко спортсмен выступал «в союзе» с известным модельером) довольно быстро превращался в универсальную спортивную форму, а впоследствии тиражировался поклонниками спорта, становясь своеобразной квази-униформой. Автор отмечает абсолютный приоритет символической функции спортивной формы перед ее практическим значением: разнообразие спортивных форм значительно превышает реальные различия между типами физической активности, характерными для того или иного вида спорта. Таким образом, спортивная мода отражает представления об определенных характеристиках, свойственных видам спорта, а следовательно, о ролях спортсменов, и, более широко, – представления о теле и гендерные стереотипы. В спортивной форме женщин исторически наиболее ярко проявилось противоречие между функциональной необходимостью и потребностью соответствовать традиционным представлениям о прекрасном и пристойном. Характеристики спортсмена, такие как сила, выносливость, самодисциплина и стремление к лидерству, идеально соответствуют мужской гендерной роли. Развитие женского спорта стимулировала популяризация медицинских знаний и представлений о пользе физических упражнений. При этом возникло два типа спортивной формы: для тренировок, более практичная, и для выступлений на публике – всецело определяемая модой и представлениями о приличиях. Любопытно, что в этой публичной области на спортсменов накладывались более суровые ограничения, чем на женщин, не занимающихся спортом, так, например, еще в 1920-е годы теннисистка не могла выйти на корт без корсета. Однако смелость отдельных звезд большого спорта, позволявших себе пренебрегать сложившейся формой в пользу шокирующих новинок от ведущих кутюрье влекла за собой стремительный процесс «раскрепощения» не только спортивной одежды, но и модных силуэтов в целом. Динамичная смена стилей в XX веке не в последнюю очередь определялась результатами «неспортивной» борьбы, развернувшейся на спортивных площадках, стадионах и кортах. Помимо создания новых моделей одежды в мире спорта происходило внедрение новых материалов и технологий, в свою очередь провоцировавшее рост популярности элементов спортивной формы в качестве повседневной одежды. Образ современного горожанина во многом создают одежда и аксессуары, включаемые фирмами-производителями в категорию sportswear – спортивной одежды.

Униформы в самом широком смысле непрерывно оказывают влияние на моду, фотографию, кинематограф, популярную музыку и массовую

культуру вообще. Современные эстетические коды: способы построения композиции, ритмическое чередование объектов, смена планов в кинематографе, представления о сочетаемости цветов и о том, как должна выглядеть одежда вообще, испытали определенное воздействие униформ и ценностей, к которым они отсылают. Способы репрезентации персоны, от парадного портрета до современной модной фотографии, находятся в тесной связи с техниками униформированного тела. В свою очередь, существует и обратная связь: современным аналогом средневековых законодательных актов, регулировавших «протоуниформы» сословий и профессиональных групп, являются общественное мнение и дискурс модных журналов. Их влияние ощутимо трансформирует униформы и техники их ношения. Крейк выстраивает таблицу, в которой показывает зависимость скорости изменений, вносимых в униформы, от статуса соответствующих профессий. Униформы, освященные традицией и имеющие устойчивую символическую наполненность (церковное облачение, судейские мантии и регалии, дирижерские фраки, одежда медперсонала и военная форма), крайне мало подвержены изменениям. С другой стороны, существуют униформы, которые могут меняться достаточно быстро, отражая веяния моды, особенно если соответствующие профессии возникли недавно (стюардессы, косметологи, сотрудники сетей быстрого питания). Фактически это единственная в данной книге попытка вписать факты в определенную схему. В целом автор занимает тактичную позицию по отношению к описываемому материалу, не навязывая жестких моделей, скорее поднимая вопросы, нежели предлагая ответы. Однако такой подход не способствовал выстраиванию структуры книги: разделы, заявленные в оглавлении («Униформа и культура», «Униформа и власть», «Униформа для работы и досуга» и «Культура униформы»), представляются во многом условными. Более важными оказываются рассматриваемые во всех частях сюжеты, связанные с гендерной проблематикой, дисциплиной и воспитанием «послушных тел», социальными ролями и стратегиями узнавания, эстетическими кодами и историей моды XX века.

Повышенный интерес модельеров к униформе, по мысли Крейк, во многом обусловлен ее трансгрессивным потенциалом, произвольно заключенными в ней посланиями. Обратной стороной дисциплины, серьезности, авторитета, выступают эротическая двусмысленность, окружающая женщин в форме, и возможность использовать униформы для выражения бунтарских настроений. В 1960-е годы военная форма становится повседневной одеждой для радикально настроенных молодых людей, вдохновляемых образом Че Гевары и бойцов ИРА, довольно быстро эти тенденции проявляются на подиумах и обложках модных

журналов, что означает их ассимиляцию с официальной культурой. Огромную роль сыграли униформы в развитии популярной музыкальной культуры, в превращении концертов в шоу. Ряд исполнителей, от ранних звезд рок-н-ролла до легендарной ливерпульской четверки, делали ставку на узнаваемость своего имиджа, принимая определенный вид одежды в качестве неофициальной униформы. Другие, напротив, отказывались от идеи постоянного облика, создавая новые образы для каждого концерта. Солист «Роллинг Стоунз» Мик Джаггер одним из первых начал практиковать смену костюмов на протяжении одного представления, что впоследствии стало визитной карточкой многих звезд. Фейерверк образов, создаваемых переодеванием, необыкновенно увеличивал зрелищность концертов, под натиском визуальных посланий музыкальная составляющая нередко отступала на второй план.

Корни современных трансгрессивных практик с использованием униформы Крейк видит в карнавалах Средневековья и раннего Нового времени, применяя концепцию «карнавального» М. Бахтина к явлениям современной массовой культуры. «Гротескное тело» проявляет себя в чрезмерном увлечении пластической хирургией, в трансгрессивных сексуальных практиках, различных способах публичной саморепрезентации гомосексуалистов и транссексуалов. В то время как попытки отказа от официальных униформ приводят к созданию все новых неформальных, но от этого не менее строгих кодов одежды, трансгрессивное использование традиционных униформ ведет к утрате первоначального смысла их атрибутов, то есть к созданию мира без униформ. Это неустойчивое состояние предоставляет поле возможностей для создания новых смыслов и конструирования новых идентичностей, подобно тому, как на протяжении XX века складывались новые способы социальной репрезентации женственности, позже – гей/лесбийских идентичностей. Трудно переоценить роль, которую сыграли в этих процессах униформы.

Широта авторского подхода составляет безусловное достоинство книги. Любая одежда в некотором смысле – униформа, так как свидетельствует о принадлежности человека к определенной группе. Принуждение, давление, оказываемое на индивида невидимой властью и общественным мнением, не имело бы силы, если бы не существовало самопринуждения, специфической любви к униформам и их символическим коннотациям: порядку, дисциплине, коллективизму, иерархичности. Автор показывает условность кодов и запретов, окружающих униформы, конвенциональность содержащихся в них сообщений, но при этом неизбежность существования униформы в современном мире. Возможность взаимодействия в социальной сфере и даже возможность

творчества определяется наличием культурных кодов, неразрывно связанных с атрибутами и техниками униформированного тела. В отношении к униформе Дженнифер Крейк предлагает динамичную картину изменений, анализ которой позволяет делать прогнозы относительно дальнейшего развития общественных институтов. Дополнительную ценность книге придает тот факт, что она станет одной из первых монографий на русском языке, посвященных антропологическому измерению моды.

Примечания

1. Дженнифер Крейк. Разоблачение униформы: От конформизма к трансгрессии. В русском переводе книга выйдет в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2007 году.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 46.